

УДК 323+327

Бостан К.А., Кузнецов А.М.

Идея "фронттира": выгодное приобретение или опасный "фантом"?

Сибирско-дальневосточные и иные фронттиры. Постановка вопросов. Открывшиеся в конце 1980-х гг. возможности усвоения ранее не приветствовавшихся идей и их свободного обсуждения с зарубежными специалистами повлияли на внедрение в российскую обществоведческую науку разного рода "импорта". При оценке сложившейся ситуации следует также учитывать значение открывавшихся при *правильной* постановке вопросов перспектив получения невиданного ранее блага – зарубежных грантов. Новые обстоятельства явно простимулировали и всплеск "исследовательских проектов" по сравнительному изучению ряда проблем, в том числе, освоения (колонизации) Сибири, Дальнего Востока России и "Дикого запада" США. В результате наши авторы стали примерять к российским реалиям и термин "фронттир", ранее полагавшийся неприемлемым как ситуативно "буржуазное порождение". Росту популярности фронттирных разработок явно способствовало появление русскоязычной версии работы классика жанра [34]. Первыми активистами в этих начинаниях выступили сибирские историки [7; 13; 14; 23; 24; 26; 31; 33; 37; 38]. Вскоре под воздействием очарования звучного "ненашего" слова оказались их дальневосточные коллеги [25; 40]. С некоторым запозданием "эстафету" приняли и специалисты из других регионов [6; 22].

Однако, несмотря на проявившийся энтузиазм, и в историческом "цехе" нашлись скептики, которые обратили внимание на ряд несоответствий, возникавших при попытках укоренения идеи фронттира на российской почве. Как показали историографические исследования, ещё в начале XX в. был поставлен вопрос: почему условия пограничья, "фронттира" способствовали развитию демократии в США, но не привели к возникновению демократической политической системы в Сибири? [5]. В советский период было отмечено, что колонизация Запада США проходила на основе сложившихся капиталистических отношений, в то время как Сибирь и отчасти Дальний Восток осваивались преимущественно в других условиях [2; 3]. Российские авторы ещё представили американский "фронттир" и сибирский "рубеж" как факторы "цивилизационного разлома" [1]. Появились и более серьёзные упреки в адрес наших исследователей, у которых "теоретические разработки идеи, предложенной Ф. Тернером, были направлены не на углублённое изучение методологических *составляющих* (здесь и далее курсив наш – К.Б., А.К.) явления, а на построение линий компаративного анализа американского и сибирского фронттиров" [33, с. 189].

Казалось, позицию скептиков в данном вопросе смогли дезавуировать наши философы, которые как раз и должны были помочь историкам преодолеть дисциплинарную ограниченность используемой ими методологии. Они вполне определённо высказались в отношении целесообразности понятия фронттира, а затем ещё расширили ареал его применения. "В историческом, географическом, политологическом дискурсе оно удобно в качестве термина для обозначения локуса пространства, протяжённой территории, возникающей в результате движения населения, расширения пределов государства и создания новой контактной зоны на границах новоприобретённых земель, в

© Бостан К.А., Кузнецов А.М., 2018

БОСТАН Ксения Алексеевна, студентка магистратуры Института североамериканских исследований им. Джона Ф. Кеннеди, Freie Universität Berlin (г. Берлин, Германия). **E-mail:** ksenia.bostan@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kuznetsov.2012@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-12 10001

пределах которой происходит взаимодействие с соседними этническими группами, *политическими образованиями*, цивилизациями. Эти значения наследуют исходным смыслом понятия и реалиям не только североамериканского континента, но и других территорий" [12, с. 26]. Однако обращает внимание, что наши авторы, активно эксплуатирующие термин "фронтир", не особо утруждают себя анализом его первичных значений и их дальнейшей эволюции [29]. Попробуем устранить этот недостаток.

Некоторые вопросы американской истории и политики в дискурсе фронтира. Для основной части российских специалистов непреложным является тезис о том, что историческая важность фронтира в развитии США впервые была оформлена в качестве концепции Ф. Дж. Тернером (1861–1932). Действительно, в 1893 г. он представил в Чикаго на заседании Американского исторического общества доклад "Фронтир в американской истории". Затем в качестве Введения этот доклад был включён в одноимённое издание основных статей, эссе и многочисленных выступлений 1893–1918 гг. Тернера. В своих текстах автор акцентировал внимание читателя на роли экспансии американской цивилизации на Запад, послужившей основой для формирования понятия *фронтир*. По мнению исследователя: "Сначала фронтиром было Атлантическое побережье. Это был фронтир Европы в самом подлинном смысле. Двигаясь на Запад, фронтир становился все более и более американским" [58, р. 4]. Здесь уже в Новом свете окончательно сформировалась культура, менталитет, характер и особенности, присущие американской нации. Тернер также полагал, что "самым важным моментом фронтира стало развитие демократии" как в США, так и в Европе" [58, р. 30]. Политическая демократия США, как таковая, по мнению автора, родилась непосредственно на рубеже, разделявшем *цивилизацию переселенцев и дикую природу населённую опасными туземцами*. Точно также ряд особенностей американской государственности объяснялся её развитием не на ограниченной территории, как в Европе, а в условиях постоянного продвижения фронтира на Запад. В этом продвижении, как отмечал Ф. Тернер, "особенно поражает *внеправовая добровольная ассоциация пионеров фронтира*", обусловившая возникновение особых институтов "власти" и общественной организации "без вмешательства со стороны государственных институтов" [58, р. 343]. Но те же суровые условия "подвижной границы", утверждал наш автор, закрепили в американцах и индивидуализм, который они пронесли с собой через весь континент от самой первой, европейской, линии фронтира первых тринадцати британских колоний до тихоокеанского побережья. В результате и индивидуализм, и коллективизм были успешно усвоены и "переварены" американским обществом и демократической системой американского государства, определяя их устойчивость ко всяким потрясениям.

Однако Ф. Тернер стал первым идеологом фронтира лишь в том смысле, что именно он наиболее обстоятельно представил эту идею, обеспечив ей тем самым не только научное, но и общественное признание. Здесь уместно будет напомнить, что задолго до выхода в свет первой статьи Тернера вопросы фронтира уже обсуждал и известный французский политический философ Алекс де Токвиль (1805–1859) в своей хрестоматийной работе "Демократия в Америке". Как известно, де Токвиль отправился в путешествие по США в 1831 г. и стал очевидцем реальной жизни приграничных переселенцев. Не случайно, полагает О.Ю. Казакова, именно этому автору удалось преодолеть уже укоренившиеся в художественной литературе, в силу присущей ей тенденции к героизации и романтизации происходящего, стереотипы об "отважных американских первопроходцах" и реалиях "подвижной границы" [15]. Описанию фронтира А. де Токвиль посвятил также своё дополнение ко второму тому "Демократии...", получившему название "Пятнадцать дней в пустыне". Работы европейского автора заслуживают более серьёзного внимания хотя бы потому, что посетив "передовую линию" американской цивилизации, он не обнаружил здесь каких-либо признаков цивилизаторской и миссионерской миссий переселенцев. А. де Токвиль увидел лишь их стремительное продвижение по индейским территориям, фиксировал рассуждения о превосходстве англосаксонского духа и жадное стремление к обогащению. Учитывая же, что многие из этих поселенцев были просто изгоями из своих родных штатов, такие данные не вызывают особого удивления [44, р. 111].

Французский философ признавал, что зоны освоения новых земель явились важнейшим фактором в развитии американской демократии, поскольку "население этой части континента [продвигаясь на Запад вместе с фронтиром – прим. К. Б., А. К.] избежало влияния ... так называемой аристократии от природы, то есть людей, своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью" [44, р. 307]. В отличие от Ф. Тернера, он был убежден, что роль фронтира была скорее негативной, чем положительной, а политическая демократия там развивалась не благодаря, а вопреки господствовавшему индивидуализму. По мнению европейца, индивидуализм фронтира как наиболее присущая переселенцам черта вообще сыграл в этих условиях негативную роль, так как это свойство вызывало индифферентное отношение к социуму и даже желание абстрагироваться от него. Он зафиксировал и тот факт, что авантюрные переселенцы в погоне за наживой рассматривали своё пребывание на фронтире как временное обстоятельство, поэтому они и не видели какой-либо необходимости в социальной кооперации с другими.

Понятно, что при работе с рассматриваемыми текстами не стоит буквально воспринимать определения "свободные земли" Ф. Тернера и "пустующие земли" А. де Токвиля. В действительности, эти "пустые" земли были населены многочисленными племенами североамериканских индейцев. Большинство из них ещё не подверглось американизации, т.е. не перешли, в понимании американцев, со стороны "зла" (дикости) на сторону "добра" (цивилизации) [21, с. 36]. Поэтому тот же Ф. Тернер смотрел на индейцев лишь как на необходимую жертву во имя триумфа цивилизации. Позиция А. де Токвиля по этой проблеме была двойственной. С одной стороны, его возмущало равнодушие американского общества к трагедии коренных народов [56]. Но с другой, он отдал дань "прогрессизму" своего времени: "Хотя обширный край был заселён множеством туземных племён, можно смело утверждать, что в эпоху его открытия он представлял собой истинную пустыню ... весь этот континент, казалось, был создан для того, чтобы стать колыбелью ещё не родившейся великой нации". Не удивительно, что он очень скептически относился к идее возможного приобщения коренных народов Америки к новой цивилизации и был убеждён, что индейская проблема, скорее всего, ещё долгое время останется неразрешимой [44, р. 67–68].

Конечно, учитывая временной разрыв между описаниями ситуации на фронтире данных авторов, можно предполагать, что они зафиксировали реальные изменения, произошедшие здесь более чем за полвека. Такое предположение тем более вероятно, что сам термин фронтир (от франц. "frontier"), который как раз можно дословно перевести как рубеж или граница, был использован ещё в Декларации английского короля Георга III от 7 октября 1763 г. для североамериканских колоний. Появление здесь этого понятия было обусловлено принятым курсом на политику "замирения" индейцев. Декларация должна была гарантировать, что белые фермеры не будут продолжать активную экспансию за пределы установленных границ [61]. На этом этапе фронтир ещё рассматривался европейским монархом в качестве *реальной границы* британских владений в Новом Свете и не подразумевал какого-либо условия её характера или других толкований. В глазах же переселенцев, приехавших на континент осваивать новые земли, данная мера выглядела как ограничение, навязываемое им британской метрополией для более эффективной и удобной реализации контроля над американскими колониями, "зажатými" на узкой полосе между Аппалачами и Атлантическим побережьем. Ещё большее недовольство вызывало игнорирование факта освоения колонистами некоторых территорий, оказавшихся теперь за линией фронтира, уже на момент принятия Декларации. Возмущало колонистов также и закрепление именно за Великобританией исключительного права на приобретение индейских территорий [20]. В итоге, введение фронтира явилось одной из серьёзных предпосылок Войны за независимость США 1775–1783 гг., в результате которой Великобритания окончательно потеряла эту важную часть своих колоний в Новом Свете. Как следствие, в течение последующих ста лет после признания нового государства в Северной Америке, фронтир уже продолжал существование как некая *условная* и *недемаркированная* линия или особая зона, являвшаяся олицетворением и катализатором стремительной и эффективной *американизации индейских территорий*. Го-

воря другими словами, идея фронта, пройдя ряд преобразований, получила свой специфически американский смысл, который обладал потенциалом для последующих трансформаций. Показательно, как тот же Ф. Грунд в своей работе 1836 г. ещё полагал: "...американцам уготовано судьбой идти вперёд до тех пор, пока какой-нибудь физический барьер не станет преградой для их движения" [47, р. 206]. На исходе XIX столетия, когда таким барьером уже стал Тихий океан, Ф. Тернер был уверен: "Только опрометчивый пророк станет утверждать, что расширение Америки закончилось. Движение было [для нас] господствующим фактором, и пока эту подготовку не пройдёт весь народ, американская энергия будет постоянно требовать более широкого поля для деятельности" [58, р. 37]. А сколько ещё новых мигрантов США приняли в последующие годы!

Однако в XX в. предвидение Тернера сначала не вызвало сколько-нибудь заметного интереса. Так в 1930-х гг. его взгляды чаще критиковались, чем пропагандировались [39]. Призывы быть осторожнее с пониманием фронта как универсального явления звучали и в 1950-е гг. [59, р. 4]. Но в это время уже стали появляться работы историков, положительно оценивавшие идеи Тернера [43]. В процесс реабилитации этой идеи включились и другие авторы [54]. Вскоре стан сторонников значимости подвижной границы стал пополняться и за счёт ведущих американских политиков. Высоко оценил роль фронта в формировании "этоса" американской нации президент Ф.Д. Рузвельт [53]. Затем термин "новый фронт" был использован в 1958 г. группой республиканца Н. Рокфеллера в докладе "Перспективы для Америки". После этого словосочетание "Новый фронт" прозвучало в середине июля 1960 г. на съезде Демократической партии в Лос-Анджелесе, где Дж. Ф. Кеннеди был номинирован на должность кандидата в президенты США [57]. Известный специалист по американской истории А. Шлезингер, увидев новые настроения, выступил в конце марта 1960 г. в Детройте с показательной лекцией "Новые фронты американского либерализма". Такие декларации дали основание некоторым авторам заговорить о готовности политического класса разворачивать политику "империализма открытых дверей". Они также заподозрили, что за фронтными заявлениями теперь скрывалась цель достижения доминирования на внешних рынках [60]. Другим специалистам разнервнувшаяся активность послужила поводом для того, чтобы поднять вопрос о "Великом фронте", являющемся границей между свободой и иерархией [52, р. 3–6].

Наблюдающий с конца 1950-х гг. фронтный "ренессанс" не был простой случайностью. Как показал В. Л. Мальков, в этот время произошла "переакцентировка в идеологическом обосновании концепции "расширяющейся границы" с континентального на глобальный масштаб, с уровня освоения "свободных земель" (переселенческая колонизация) на уровень закрепления на заморских территориях и рынках и установления экономического (преимущественно), политического и военного (в особых случаях) контроля над ними" [21, с. 31]. Став в середине XX в. одной из ведущих сверхдержав, США нуждались в идеологическом обосновании своей внешней политики. Концепция подвижной границы вполне подходила для принятого курса на "американизацию" мира [19]. В этих условиях, по мнению В. П. Румянцова, концепция "Новых рубежей", превратила фронт в один из основополагающих архетипов американской цивилизации, в рамках которого *американское общество осознаёт себя и осуществляет свою жизнедеятельность* [30].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. американская нация в освоении пространства вышла к естественному пределу продвижения своего фронта – побережью Тихого океана. На юге сформировалась граница с Мексикой, на севере – с доминионом Канада. Однако сложившаяся за сотни лет убежденность американцев в их неоспоримом праве занимать "пустые земли" не могла позволить им остановиться на этих рубежах. Отныне сферой национальных интересов страны должны были стать регионы, находящиеся за тысячи километров от границ США, т.е. на новом фронте. Только теперь дальнейшее продвижение этой непостоянной "границы" оправдывалось миссией исключительной нации, направленной на "распространение в мире демократии", а затем и "прав человека". Опыт продвижения фронта в формировании подобных настроений трудно переоценить.

Есть ли место такому фронттиру вне Америки? Обращение к работам российских специалистов показывает, что они восприняли от Тернера ряд положений, в том числе идею фронттира как границы между "цивилизацией" и "варварством", нестабильный, подвижный характер такого разграничения, формирование особого "фронттирного" человека и т.д. К сожалению, большинство пропагандистов границы по-американски упускают из вида одно важное обстоятельство: в то время как освоение значительной части США являлось инициативой самих поселенцев, Сибирь и особенно Дальний Восток России включались в состав царства и империи *при активном участии государства*. Разве что поход Ермака и движение старообрядцев, стремящихся в своё Беловодье, могут рассматриваться как аналог фронттирных инициатив. Роль государства в присоединении и освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока уже была проанализирована в обстоятельной монографии А. В. Ремнева [28]. Сторонникам фронттира стоило бы уделить ей больше внимания, которого она, безусловно, заслуживает. В любом случае не стоит забывать, что уже с заключением Нерчинского договора (1689 г.), при всей неопределённости проведённой демаркации, дальнейшее освоение новых территорий происходило с учётом заключённых международных договоров между Россией и Китаем. Поэтому о сибирском, а уж тем более дальневосточном фронттире более или менее корректно рассуждать до подписания соглашений подобного рода, того же Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. В то же время деятельность Российско-американской компании и история Русской Америки более соответствовали практике фронттира, лишней раз подчёркивая преимущественно американский характер данного явления [40].

Поэтому, несмотря на противоречия между восточносибирским генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым (Амурским) и канцлером К. В. Несельроде в "амурском вопросе" и т.д., они все же выстраивали государственную политику, которая учитывала и местную специфику. Это хорошо показал, например, в начале 1880-х гг. один из преемников Муравьёва-Амурского генерал-губернатор Д. Г. Анучин. "При всяком увеличении нашей территории, путём ли завоеваний новых земель или путём частной инициативы, вновь присоединённые области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как *представителей верховной власти, причём на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления*. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии..." [32, с. 66]. Наглядно подтверждает такое заявление и история образования сибирских, а затем амурского и уссурийского казачьих войск. В начале XX в. значение государства для вновь присоединённых территорий ещё более определённо зафиксировал Н. Богоявленский – чиновник не самого высокого ранга при Приамурском генерал-губернаторе: "Занятие Дальнего Востока происходило у нас сначала путём административным, распоряжением правительства, а не естественным путём эмиграции в новый край излишка населения из метрополии. Поэтому администрация явилась раньше населения" [цит. по 28, с. 13].

Конечно, деятельность государства, а точнее его представителей – чиновников разного уровня – не стоит идеализировать, так как местные условия за Уральскими горами слишком уж отличались от порядков в другой части империи. Как вспоминал один из современников: "Помимо того была ещё одна привлекательная особенность амурской службы: самостоятельность и возможность личной инициативы. За дальностью расстояния амурские деятели не могли во всякое время обращаться за разрешениями и разъяснениями к высшему начальству, которое находилось в Иркутске, а потому большей частью действовали самостоятельно на свой страх и могли видеть результаты собственных трудов, что всегда даёт нравственное удовлетворение" [35, с. 97]. Однако такая свобода чиновников часто становилась причиной принятия некомпетентных, а иногда просто диких решений и произволом в отношении местного населения. Поэтому *свобода* здесь на окраинах была, вот только для *демократии* условий не было. Не случайно, потомок одной из знатнейших фамилий России – князь П. А. Кропоткин, столкнувшись во время службы

при генерал-губернаторе Восточной Сибири с практикой "вершения" государственной политики, стал впоследствии виднейшим приверженцем анархизма.

Следовательно, при некотором внешнем сходстве обстоятельств на американском фронтире и сибирско-дальневосточных пространствах можно констатировать наличие здесь более глубоких различий сущностного порядка между сложившимися здесь условиями. На каком основании они тогда описываются единой терминологией? Очевидно, что основная причина неоправданного отождествления американского "фронтира" и сибирско-дальневосточного "порубежья" обусловлена уже отмеченными недоработками методологического плана. В частности, они проявились в недостаточно глубоком анализе социально-политической составляющей рассматриваемых проблем и непонимании их современного состояния.

Кроме того, наши историки, по-видимому, в своём большинстве остаются также в неведении по поводу важных достижений в других областях науки. В те же 1970-е гг. постановка проблем устойчивости, а также воспроизводства/самовоспроизводства биологических и социально-политических проблем в целом актуализировала значимость исследования границ в этих процессах [18]. Параллельно анализ обстоятельств, складывавшихся на границе США и Мексики (межгосударственной), побудил ряд исследователей вынести на обсуждение вопрос о необходимости создания новой дисциплины – погранологии (border studies) [11; 17; 42; 49]. Показательно, что с самого начала понятие границы здесь было отнесено к категории сложных явлений, изучение которых должно проводиться средствами разных дисциплин, а не только географии, истории, экономики и т.д. Тогда же был поставлен вопрос о выделении особых *символических границ*, в том числе религиозных, этнических и других [45]. Развитие антропологической составляющей новой дисциплины актуализировало обсуждение и проблем идентичности: "...если нет стабильной политической идентичности, нет и устойчивых границ, стабильного государства" [48, с. 45]. Обозначились и другие направления соответствующих исследований, включая проблему национализма [10]. Феномен границ вообще дал повод рассуждать о таких "изысках", как "межцивилизационная синергия" и "метакультура" [9; 41]. В результате, произошло и переосмысление самого понятия фронтира. Теперь его предложили рассматривать как: "тип социальной границы, который характеризуется зональной пространственной формой, неспециализированным социальным управлением и подвижностью" [8, с. 423]. Примечательно, что в обстоятельном исследовании истории формирования и развития дальневосточной границы А. А. Киреева, выполненном в соответствии с принципами дискурса погранологии, фронтирные наработки уже не нашли особого отражения [16]. Следовательно, в свете современных представлений фронтир может рассматриваться не как универсальный, а всего лишь один из многих вариантов границ, существовавший преимущественно в прошлом.

В XXI в. становится очевидным, что концепт фронтира, как явление XVIII – XIX вв., несмотря на все свои трансформации, оказался слишком упорным перед вызовами нашего времени. К тому же, очень уж бросается в глаза привязанность этого варианта к американским реалиям. Не удивительно, что в данных условиях критика актуальности фронтира была продолжена специалистами в США [50; 51]. Ведь вполне понятно, как должны были отнестись население и главы "суверенных" государств к столь прямолинейным планам представить их как территории нового освоения. Поэтому, несмотря на совершенно определённую аргументацию, предлагаемую на этот счёт, представляется совсем не случайным использование с началом 1980-х гг. во внешнеполитической риторике и различных общественно-политических дискурсах, продвигаемых из США, другого концепта – *глобализация*. На первый взгляд, он не несёт в себе таких явно проамериканских коннотаций, как его предшественник. Но, если посмотреть на сопровождающие такие дискурсы глобализации либеральные концепции, в том числе утрату государством роли ведущего актора международных отношений, прозрачности государственных границ, необходимость установления демократического мира как условия предотвращения войн и конфликтов, наконец, ставку на ту же "мягкую силу" – нетрудно заметить идеологическую преемственность с базовыми

принципами фронттира [46]. Различие лишь в том, что теперь они перенесены с регионального на глобальный уровень. Стоит ли тогда удивляться, что по мере продвижения тренда глобализации стали проявляться глокалистские тенденции и сложилось движение антиглобализма?

Следовательно, проблема фронттира является более сложной, чем её представляют наши историки. В частности, с конца 1950-х гг. в ней стала играть значимую роль политическая составляющая, которую просто опасно игнорировать. Да и в современных условиях, когда не осталось "свободных" для пионерного освоения территорий, когда сухопутные и частично другие пространства разграничены границами государств, как-то странно обозначать какие-то регионы нашей родной, да и других стран зонами фронттира. Мы что, приглашаем их осваивать кого-то извне? Учитывая же предложения срочно переселить население Сибири и Дальнего Востока России в европейскую часть страны, так как эти регионы не пригодны для жизни "нормальных" людей, а были насильственно заселены лишь в силу произвола советского тоталитаризма, следует более осторожно относиться к категориальному аппарату "с чужого плеча" [36].

Таким образом, в силу специфики исторических обстоятельств Северной Америки здесь сложилось особое понимание концепта фронттира, получившее сугубо региональное значение. Со временем его содержание приобрело не столько географический, сколько политический и социально-экономический характер. Такая трактовка в сочетании с благоприятными последствиями для США итогов двух мировых войн и последующими экономическими успехами определила уверенность в необходимости продвижения своих ценностей и образа жизни за пределы континента. Однако ограничения, которые были присущи фронттирной идеологии, обусловили необходимость её замены более привлекательной и универсальной идеей глобализации. Тем не менее, сложившиеся на новых основаниях концепция однополярного мира и сопутствующие ей либеральные теории в данном контексте могут рассматриваться как необходимое пропагандистское обоснование тех же целей, которые в своё время обеспечивала идея фронттира..

Литература

1. Агеев А.Д. Американский "фронттир" и сибирский "рубеж" как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронттир. Томск, 1997. С. 23–41.
2. Агеев А.Д. Движение России на Восток и США на Запад: сходство и оппозиция // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: доклады Международной. Научно-практической конференции, 12–15 октября 1995 г. Москва; Иркутск, 1995. С. 107–110.
3. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронттиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
4. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
5. Ананьев Д.А. Сибирский "фронттир" (XIX – начало XX в.) в оценке англо и германоязычной историографии // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарных наук. 2013. Вып. 10 (126). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-fronttir-xix-nachalo-xx-v-v-otsenka-anglo-germano-yazychnoy> (дата обращения: 12.09.2017).
6. Баева Л.В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронттирных регионов // Гуманитарный вектор. Серия: философия и культурология. 2016. Т. 11. № 2. С. 37–42.
7. Белаш Н. Ю. Образ фронттира в США и России // Американский и сибирский фронттир. Томск, 1997. С. 37–44.
8. Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 425 с.
9. Генисаретский О.И. Эффекты цивилизационной синергии: стратегии, коммуникации и компетенции ради развития // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: Дальневосточный межрегиональный институт общественных наук. Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 185–193.

10. Громыко Ю.В. Консциетальная безопасность: фактор региональных трансграничных идентичностей // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: Дальневосточный межрегиональный институт общественных наук; Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 208–232.
11. Дюпейрон Б. Государственные границы в Северной Америке // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 264–285.
12. Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.
13. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
14. Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76.
15. Казакова О. Ю. Фронтир в интерпретации А. де Токвилем социокультурного развития США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2010. № 1. Январь. С. 89–102.
16. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2011. 474 с.
17. Колосов В.А. Теоретические подходы в изучении границ // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 35–63.
18. Кузнецов А.М. Символические границы общественных систем // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 82–100.
19. Кушнер Г. Постоянство "идеи границы" в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник. М., 1992. 1994. Вып. 1. С. 88–96.
20. Макинерни Д. США. История Страны. М.: Эксмо; СПб.: МИДГАРД, 2009. 735 с.
21. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004. 608 с.
22. Немировская А.В., Фoa P. Социокультурные особенности фронтира в России // Слоциологические исследования. 2013. № 4. С. 80–88.
23. Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Томск. 2004. Вып. 8. С. 15–24.
24. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23.
25. Приходько Н.Н. Фронтирная теория в геополитике на востоке России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnaaya-teoriya-v-geopolitike-na-vostoke-rossii> (дата обращения: 24.10.2017).
26. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 29–54.
27. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД "Сова", 2005. 193 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 24.10.2017).
28. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX века: Монография. Омск, 2004. 552 с.
29. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова Ок. С., Якушенкова Дл.С., Кусмидинова М.Х., Толчиев М.С. Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие (учебное пособие). Астрахань, 2014. 236 с.
30. Румянцев В.П. К вопросу об американском фронтире: Дж.Ф. Кеннеди и программа "Новый фронтир" (теоретический и внешнеполитический аспекты) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С.139–148.
31. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира в сравнительно исторических исследованиях: итоги и перспективы // "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии: колл. монография / под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск, 2009. С. 106–125.
32. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 1–8. Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883–1885. 16 т. 24 см.
33. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронтира // Вестник Алтайского государственного университета. История. 2011. № 4-1 (72). С. 189–193.

34. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
35. Фриессе Р.Ф. Из жизни на Амуре. К 50-летию Амурского края // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2011. № 3 (52). С. 91–106.
36. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
37. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореф. дис. канд. ист. н. Томск, 2008. 31 с.
38. Хромых А.С. Проблема "сибирского фронта" в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). Сер. "История". С. 106–112.
39. Цыганова А.А. Творческое наследие Ф. Дж. Тернера в истории американского прогрессизма: автореф. дис. канд. ист. н. М., 2012. 27 с.
40. Чернавская В.Н. "Восточный фронт России" XVII – начала XVIII веков: историко-этнографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003.
41. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010. 268 с.
42. A Companion to Border Studies. Ed. by T. M. Wilson, H. Donnan. Malden: Wiley-Blackwell, 2012. 636 p.
43. Billington R.A. The Far Western Frontier 1830–1860. NY: Harper, 1956. 324 p.
44. De Tocqueville A. Democracy in America: Volumes I and II. The Floating Press [Ebook], 2009. p. 1589.
45. Donnan H. The Anthropology of Borders and Frontiers // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Ed. by J.D. Wight. Oxford, 2015.
46. Eifler M.A. Frontiers, Empires, and the New World: The Significance of the frontier in American Foreign policy. [Электронный ресурс]. URL: <http://forumonpublicpolicy.com/archive07/eifler.pdf>. (дата обращения: 12.09.2017).
47. Grund F. J. The Americans in their Moral, Social and Political Relations. Two Volumes in One. Boston: Marsh, Capen and Lyon, 1837. 365 p.
48. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // Geopolitics. 2005. Vol. 10. N 4. P. 1–27.
49. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. 28. P. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107
50. Lobanov-Rostovsky A. Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // The frontier in perspective / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroeger. Madison, 1965. P. 79–94.
51. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East, ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. New York; London, 1995. P. 23–39.
52. McNeil W.H. The Great Frontier. Freedom and Hierarchy in Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1983. 73 p.
53. Roosevelt T. The Winning of the West. Dodo Press. 2007. 296 p.
54. Slotkin R. Regeneration Through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600-1860. University of Oklahoma Press, 1973. 670 p.
55. Stolberg E.-V. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte // Review (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27. № 3. P. 243–267.
56. Tale, T. Tocqueville and American Indian Legal Studies: The Paradox of Liberty and Destruction // The Tocqueville Review. 1996. Vol. V. XVII. No. 2.
57. "The New Frontier," acceptance speech of Senator John F. Kennedy, Democratic National Convention, 15 July 1960. Papers of John F. Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press. Speech Files, 1953–1960. JFKSEN-0910-015. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKSEN-0910-015.aspx> (дата обращения: 05.12.2017).
58. Turner F. J. The Frontier in American History (introduction by Allan G. Bogue). Mineola, New York, Dover Publications, Inc., 2010. 400 p.
59. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 271 p.
60. Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959. 219 p.
61. Zinn H. A People's History of the United States: 1492 – Present. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2005. 729 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ageev A.D. Amerikanskij "frontir" i sibirskij "rubezh" kak faktory tsivilizatsionnogo razloma // Amerikanskij i sibirskij frontir. Tomsk, 1997. S. 23–41.
2. Ageev A.D. Dvizhenie Rossii na Vostok i SSHA na Zapad: skhodstvo i oppozitsiya // Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost': doklady Mezhdunarodnoj. Nauchno-prakticheskoj konferentsii, 12–15 oktyabrya 1995 g. Moskva; Irkutsk, 1995. S. 107–110.
3. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov. M.: Aspekt-Press, 2005. 334 s.
4. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoj i tsivilizatsionnoj dinamike XVI–XX vv. / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. M.: Nauka, 2004. 600 s.
5. Anan'ev D.A. Sibirskij "frontir" (XIX – nachalo XX v.) v otsenke anglo i germanoyazychnoj istoriografii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnykh nauk. 2013. Vyp. 10 (126). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskij-frontir-xix-nachalo-xx-v-v-otsenkah-angloi-germanoyazychnoy> (data obrashheniya: 12.09.2017).
6. Baeva L.V. Problemy kul'turnoj bezopasnosti v izuchenii frontirnykh regionov // Gumanitarnyj vektor. Seriya: filosofiya i kul'turologiya. 2016. T. 11. № 2. S. 37–42.
7. Belash N. YU. Obraz frontira v SSHA i Rossii // Amerikanskij i sibirskij frontir. Tomsk, 1997. S. 37–44.
8. Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 425 s.
9. Genisaretskij O.I. EHFfekty tsivilizatsionnoj sinergii: strategii, kommunikatsii i kompetentsii radi razvitiya // Aziatsko-tikhookeanskije realii, perspektivy, proekty: XXI vek. Vladivostok: Dal'nevostochnyj mezhhregional'nyj institut obshhestvennykh nauk. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004. S. 185–193.
10. Gromyko YU.V. Konstsietal'naya bezopasnost': faktor regional'nykh transgranichnykh identichnostej // Aziatsko-tikhookeanskije realii, perspektivy, proekty: XXI vek. Vladivostok: Dal'nevostochnyj mezhhregional'nyj institut obshhestvennykh nauk; Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004. S. 208–232.
11. Dyupejron B. Gosudarstvennye granitsy v Severnoj Amerike // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 264–285.
12. Zabiyako A.P. Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya // Voprosy filosofii. 2016. № 11. S. 26–36.
13. Zamyatina N.YU. Zona osvoeniya (frontir) i eyo obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 5. S. 75–89.
14. Ivanova L.M. Sibirskij frontir: izuchenie voprosa v otechestvennoj istoricheskoy nauke // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 410. S. 72–76.
15. Kazakova O. YU. Frontir v interpretatsii A. de Tokvilem sotsiokul'turnogo razvitiya SSHA // SSHA – Kanada. EHkonomika, politika, kul'tura. 2010. № 1. YAnvar'. S. 89–102.
16. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funkcionirovaniya (sередina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2011. 474 s.
17. Kolosov V.A. Teoreticheskie podkhody v izuchenii granits // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 35–63.
18. Kuznetsov A.M. Simvolicheskie granitsy obshhestvennykh sistem // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 82–100.
19. Kushner G. Postoyanstvo "idei granitsy" v amerikanskoj mysli // Novyj vzglyad na istoriyu SSHA: Amerikanskij ezhegodnik. M., 1992. 1994. Vyp. 1. S. 88–96.
20. Makinerni D. SSHA. Istoriya Strany. M.: EHksmo; SPb.: MIDGARD, 2009. 735 s.
21. Mal'kov V.L. Put' k imperstvu: Amerika v pervoj polovine XX veka. M.: Nauka, 2004. 608 s.
22. Nemirovskaya A.V., Foa R. Sotsiokul'turnye osobennosti frontira v Rossii // Slotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 80–88.
23. Pelipas' M.YA. Opyt ispol'zovaniya idei frontira v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Zapadnoj Sibiri // Amerikanskije issledovaniya v Sibiri. Tomsk. 2004. Vyp. 8. S. 15–24.
24. Poberezhnikov I.V. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya // EHkonomicheskaya istoriya. 2013. № 2 (21). S. 18–23.
25. Prikhod'ko N.N. Frontirnaya teoriya v geopolitike na vostoке Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnaya-teoriya-v-geopolitike-na-vostoке-rossii> (data obrashheniya: 24.10.2017).

26. Rezun D.YA. O nekotorykh momentakh osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoj otechestvennoj istoriografii // *Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe*. Novosibirsk, 2001. Vyp. 1. S. 29–54.
27. Rezun D. YA., SHilovskij M. V. *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste ehtnosotsial'nykh i ehtnokul'turnykh protsessov*. Novosibirsk: ID "Sova", 2005. 193 s. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (data obrashheniya: 24.10.2017).
28. Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX–nachala XX veka*: Monografiya. Omsk, 2004. 552 s.
29. Romanova A.P., YAKushenkov S.N., KHlyshheva E.V., Vasil'ev D.V., YAKushenkova Ok. S., YAKushenkova D.I.S., Kusmidinova M.KH., Topchiev M.S. *Nizhnevolzhskij frontir: kul'turnaya pamyat' i kul'turnoe nasledie (uchebnoe posobie)*. Astrakhan', 2014. 236 s.
30. Rumyantsev V.P. K voprosu ob amerikanskom frontire: Dzh.F. Kennedi i programma "Novyj frontir" (teoreticheskij i vneshnepoliticheskij aspekt) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2013. № 1. S.139–148.
31. Rumyantsev V.P., KHakhalkina E.V. Ispol'zovanie teorii frontira v sravnitel'no istoricheskikh issledovaniyakh: itogi i perspektivy // "Slavyanskij mir" Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoj Azii: koll. monografiya / pod red. O.N. Bakhtinoj, V.N. Syrova, E.E. Dutchak. Tomsk, 2009. S. 106–125.
32. *Šbornik glavnejshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibiri*: Izd. po rasporyazheniyu gen.-gubernatora Vost. Sibiri D.G. Anuchina. T. 1–8. Irkutsk: tip. SHTaba Vost. sib. voen. okr., 1883–1885. 16 t. 24 sm.
33. Soboleva T.N., Bobrov D.S. *Sovremennaya rossijskaya istoriografiya kontseptsii frontira* // *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 4-1 (72). S. 189–193.
34. Ternier F.Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* / Per. s angl. M.: Ves' mir, 2009. 304 s.
35. Friesse R.F. Iz zhizni na Amure. K 50-letiyu Amurskogo kraja // *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki*. 2011. № 3 (52). S. 91–106.
36. KHill F., Gehddi K. *Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushhee Rossii* / Per. s angl. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007. 328 s.
37. KHromykh A.S. *Russkaya kolonizatsiya Sibiri poslednej treti XVI – pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira: avtoref. dis. kand. ist. n. Tomsk, 2008. 31 s.*
38. KHromykh A.S. Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoj rossijskoj istoriografii // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 5 (106). Ser. "Istoriya". S. 106–112.
39. TŠyganova A.A. *Tvorcheskoe nasledie F. Dzh. Tyornera v istorii amerikanskogo progressizma: avtoref. dis. kand. ist. n. M., 2012. 27 s.*
40. CHernavskaya V.N. "Vostochnyj frontir Rossii" XVII – nachala XVIII vekov: istoriko-ehtnograficheskie ocherki. Vladivostok: Dal'nauka, 2003.
41. YAchin S.E. *Sostoyanie metakul'tury*. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 268 s.
42. *A Companion to Border Studies*. Ed. by T. M. Wilson, H. Donnan. Malden: Wiley-Blackwell, 2012. 636 p.
43. Billington R.A. *The Far Western Frontier 1830–1860*. NY: Harper, 1956. 324 p.
44. De Tocqueville A. *Democracy in America: Volumes I and II*. The Floating Press [Ebook], 2009. p. 1589.
45. Donnan H. *The Anthropology of Borders and Frontiers* // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by J.D. Wight. Oxford, 2015.
46. Eifler M.A. *Frontiers, Empires, and the New World: The Significance of the frontier in American Foreign policy*. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://forumonpublicpolicy.com/archive07/eifler.pdf>. (data obrashheniya: 12.09.2017).
47. Grund F. J. *The Americans in their Moral, Social and Political Relations. Two Volumes in One*. Boston: Marsh, Capen and Lyon, 1837. 365 p.
48. Kolosov V. *Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches* // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10. N 4. P. 1–27.
49. Lamont M., Molnar V. *The Study of Boundaries in the Social Sciences* // *Annual Review of Sociology*. 2002. 28. P. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107
50. Lobanov-Rostovsky A. *Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis* // *The frontier in perspective* / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroegeer. Madison, 1965. P. 79–94.
51. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia* // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*, ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. New York; London, 1995. R. 23–39.
52. McNeil W.H. *The Great Frontier. Freedom and Hierarchy in Modern Times*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 73 p.
53. Roosevelt T. *The Winning of the West*. Dodo Press. 2007. 296 p.
54. Slotkin R. *Regeneration Through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600-1860*. University of Oklahoma Press, 1973. 670 p.

55. Stolberg E.-V. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte // Review (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27. № 3. P. 243–267.
56. Tale, T. Tocqueville and American Indian Legal Studies: The Paradox of Liberty and Destruction // The Tocqueville Review. 1996. Vol. V. XVII. No. 2.
57. "The New Frontier," acceptance speech of Senator John F. Kennedy, Democratic National Convention, 15 July 1960. Papers of John F. Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press. Speech Files, 1953–1960. JFKSEN-0910-015. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKSEN-0910-015.aspx> (data obrashheniya: 05.12.2017).
58. Turner F. J. The Frontier in American History (introduction by Allan G. Bogue). Mineola, New York, Dover Publications, Inc., 2010. 400 p.
59. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 271 p.
60. Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959. 219 p.
61. Zinn H. A People's History of the United States: 1492 – Present. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2005. 729 p.

Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"?

В статье рассматриваются вопросы правомерности использования термина фронтир применительно к условиям новейшего времени России. В результате анализа, проведенного методом деконструкции, установлено принципиальное различие обстоятельств освоения западных территорий США, получивших отражение в идее фронтира, и условий заселения Сибири и Дальнего Востока России. Эти различия связаны, прежде всего, с разной ролью государства в этом процессе. Также установлено, что стремление продвигать идеологию фронтира на глобальном уровне обусловило использование вместо собственно концепта фронтир с его ограничениями понятия глобализация. На основе исследования сделан вывод, что термин фронтир неправомерно применять для анализа условий России.

Ключевые слова: *фронтир, архетип, США, Сибирь, Дальний Восток, пограничье*

Bostan K.A., Kuznetsov A.M. The idea of "frontier": a profitable acquisition or a dangerous "phantom"?

This article examines the legitimacy of the use of the term frontier in the Russian context. Deconstructive analysis reveals a fundamental difference in the processes and conditions of settling the U.S. Western territories – reflected in the idea of frontier – and of settling Siberia and Russia's Far East. The difference relates primarily to the role of the state in this process. It is also argued that endeavour to promote the American frontier ideology on a global scale led to its substitution by the unlimited concept of globalization. This study concludes that it is not legitimate to use the term frontier in analysis of the Russian settlement of Siberia and the Far East.

Key words: *frontier, archetype, USA, Siberia, Far East, border studies*

Для цитирования: Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/73-84

For citation: Bostan K.A., Kuznetsov A.M. The idea of "frontier": a profitable acquisition or a dangerous "phantom"? // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 73–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/73-84

